

Издание: Александр Амфитеатров; "Бабы и дамы"; Сборник прозы.

Изд-во: "ТЕРРА"-"TERRA", Москва, 1997.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 8 марта 2004.

Оригинал: [Библиотека Александра Белоусенко](#).

Зачем ты снова явилась мне в эту ночь -- тяжкую и долгую, как дорога в ад, когда, спотыкаясь под ношей воспоминания, бредет по ней обреченная мукам душа? Чем дальше ведет ее грозный путь, тем мельче становятся образы оставшейся позади жизни, тем глуше и тише ее незабвенные отзвуки. А дьяволы вечного отчаяния, ждущие добычу, все растут и растут впереди -- и вырастают, как столетние дубы, и извительный хохот их переходит в раскаты грома.

Да! Я был близок к мысли, что гром -- хохот дьявола в эту ночь, когда тучи черной медвежьей шкурой лежали над Римом, ливень хлестал Палатин и Капитолий, а Тибр вздувался в оковах набережной, пытаюсь, как узник, вырваться на свободу и затопить Трастевере мутной волной.

Щели в ставнях вспыхивали голубыми огнями непрерывно струившихся молний. Я жмурил глаза. Я кутался в одеяло. Я прятал голову под подушки. Ничто не помогало: кто чувствует грозу, тому не надо видеть молнии, не надо слышать грома, чтобы страдать от нее.

Гроза затихла, но не прошла. Она висела в воздухе, как отдыхающая орлица. Ее дыхание отразило ночь -- ночь, чернее Мамертинского подземелья и столько же полную призраков. О, тоска тьмы, напитанной электричеством! Ты хуже кошмара: ты смелее его. Кошмар, как вор, подкрадывается к сонному. Ты же -- огромное привидение в траурной мантии -- дерзко садишься на грудь человека в твердой памяти, со свободной волей и, положив на его горло тяжелые лапы, любишь, когда он, задыхаясь, бьется в своей постели, точно рыба на песке.

В такую-то минуту -- о, Зоэ! -- ты пролетела предо мною... во сне или наяву?

Яркий луч нес тебя сквозь мрак, ничего не озаряя в нем, кроме тебя. Ты сверкнула, подобно осеннему метеору, и полоса света, как на небе после метеора, долго лежала перед моими глазами твоим следом, медленно выцветая.

Ах! и сейчас я вижу тебя в этом луче: белую и прозрачную, точно фарфор, окутанную в голубой шелк венком серебряных колосьев на золотистом пепле волос, рассыпанных по полудетским плечам. Вижу тебя такой, как очаровала ты впервые мое воображение. Ты -- женщина севера, со стальными глазами! Ты -- дитя вечного горя и минутных торжеств!

Беломраморный зал сиял огнями. Ты пела. Тысячи глаз впивались в тебя. На красном сукне эстрады ты казалась светлым ангелом, слетевшим из рая в адский огонь, чтобы освежить каплей влаги запекшиеся уста грешника. Я не помню звуков, петьх тобой. Что в них? Ты сама была живой симфонией молодой и богатой жизни, ты, как птичка, свободно и счастливо летела на крыльях торжественной гармонии, слагавшейся десятками инструментов, послушных жезлу седого капельмейстера.

И когда я снова увидел тебя такой, долго потом сидел впотьмах на своей одинокой кровати, полный воспоминаний и волнений. Зачем ты явилась мне сейчас? Зачем являешься вообще? Кто был я тебе, кто была ты мне, что теперь твое загробное дыхание веет в мою жизнь, и никогда струны моей души не звучат звонче и грустнее, чем если коснется их твоя мертвая рука?

Мы редко видались, когда ты была жива. Мы не были друзьями. Больше: мы не любили друг друга. Правда: я любовался тобой, но вчуже, как любят картину, проникнутой духом могучей художественной силы.

Она дышала в тебе навстречу каждому и тянула к себе людей, как магнит железо. Казалось, богатство твоей души тяготило тебя самое. Демон, служащий чародею, если нет ему работы, начинает мучить самого чародея. Талант -- тот же демон. Тебя волновала смутная жажда деятельности -- могучей и великолепной. А я думал:

-- Эта девушка -- не знаю, чем будет, но способна быть всем, чем захочет. Но, на свое горе, она